Разрушь меня

Автор:
Тахира Мафи

Разрушь меня

Тахира Мафи

Разрушь меня #1

Джульетта. Обычная девчонка, которую насильно держат в закрытой психиатрической клинике. Обычная девчонка с необычным даром – она умеет убивать прикосновением. Ее считают монстром, «идеальным оружием».
Но как заставить ее работать на спецслужбы? Чтобы манипулировать Джульеттой, в ее камеру помещают «подсадную утку» – Адама, парня, с которым она дружила в детстве. Но эти двое никому не позволят их использовать.
Они решаются на отчаянный шаг. На смертельно опасный шаг…

Тахира Мафи

Разрушь меня

Tahereh Mafi

SHATTER ME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House и Synopsis.

© Tahereh Mafi, 2011

© Перевод. О. А. Мышакова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Моим родителям и мужу. Когда я сказала, что хочу дотронуться до Луны, ты взял меня за руку, обнял и научил летать.

Передо мною два пути,

Но сразу по двум нельзя идти,

И выбрал я неторный путь,

Который немногие выбирали.

Роберт Фрост. Неизбранная дорога

Глава 1

Я сижу под замком двести шестьдесят четыре дня.

У меня нет ничего, кроме маленькой записной книжки, сломанного карандаша и цифр в голове, составляющих мне компанию. Одно окно. Четыре стены. Сто сорок четыре квадратных фута пола. Двадцать шесть букв алфавита. Я молчу все двести шестьдесят четыре дня изоляции.

Шесть тысяч триста тридцать шесть часов я не касалась другого человека.

– У тебя будет

сосед, – сказали они.

–

За хорошее поведение, – сказали они.

–

Изоляции больше не будет, – сказали они.

Они – миньоны Оздоровления, инициативы, которая должна помочь нашему умирающему обществу. Они вытащили меня из родительского дома и заперли в психлечебницу за нечто неподвластное мне. Никому нет дела, что я не знала о своей способности. Не знала, что делаю.

Я не знаю, кто я.

Знаю только, что меня шесть часов тридцать семь минут везли сюда в белом фургоне. Я знаю, что меня приковали к сиденью наручниками. Я знаю, что меня привязали к стулу.

. Я знаю, что не плакала, когда меня увозили.

Я знаю, что небо с каждым днем приближается к земле.

Солнце падает в океан, заливая коричневыми, красными, желтыми, оранжевыми брызгами мир за окном. Миллионы листьев с тысяч разных веток окунаются в ветер, трепеща от лживого обещания полета. Порывы ветра подхватывают их высохшие крылья лишь для того, чтобы, забытых, бросить на землю, под ноги солдатам, расквартированным на этой улице.

Сейчас уже не так много деревьев, как раньше, говорят ученые. Когда-то наш мир был зеленым, облака белыми, а солнце давало правильный свет. Но я плохо помню тот мир. Я мало что помню из прежнего. Единственное существование, которое я знаю, – то, что мне назначили. Эхо прежней жизни.

Прижимаю ладонь к маленькому квадрату стекла и ощущаю, как холод сжал мне руку знакомым приветствием. Мы оба одиноки, оба существуем безальтернативно.

Беру почти бесполезную ручку, из которой разрешаю себе тратить очень немного пасты в день, и смотрю на нее. Оставь, брось попытки записывать. Может, сосед даже хорошо. Разговор с живым человеком – тоже облегчение. Вспоминаю, как пользоваться голосом, складываю губы, выговаривая знакомые слова, от которых отвык рот. Практикуюсь целый день.

Удивляюсь, что не разучилась говорить.

Скатываю записную книжку в комок и засовываю в трещину в стене. Сажусь на покрытые простыней железные прутья, заменяющие мне постель, и жду. Раскачиваюсь взад-вперед и жду.

Я ждала очень долго и заснула.

Открыв глаза, вижу над собой в упор два глаза, две губы, два уха и две брови.

Подавляю крик, подавляю желание убежать, подавляю ужас, сковавший мое тело.

– Ты же ма… ма…

– А ты девочка. – Подвигав бровями, он встает – лицо отодвигается – с ухмылкой, не улыбкой. Мне хочется плакать, я смотрю на него с отчаянием, страхом, то и дело бросая взгляды на дверь, которую бессчетное число раз пыталась открыть. Они заперли меня с мальчишкой. С мальчишкой!

Боже, они пытаются меня убить!

Они сделали это нарочно.

Новая пытка, мучить меня отсутствием сна. Рукава у… сокамерника закатаны до локтей, руки густо покрыты татуировками. В брови след от пирсинга – кольцо, видимо, отобрали. Синие глаза, темные волосы, волевой подбородок, стройное, мускулистое тело.

Опасный. Ужасный. Чудовищный.

Сокамерник засмеялся. Я упала с кровати и отползла в угол.

Он смерил взглядом тощую подушку на второй кровати, которую утром поставили на свободное место, комковатый матрац и вытертое до основы одеяло: оно прикроет его максимум до лопаток. Посмотрел на мою кровать. Затем на свою.

Одной рукой он сдвинул кровати вместе и ногой пихнул металлические рамы к одной стене. Растянулся на двух матрацах, взбил мою подушку и сунул себе под шею. Меня затрясло.

Я закусила губу и забилась в угол потемнее.

Он украл мою постель, мое одеяло, мою подушку.

Мне остался только пол.

У меня будет только пол.

Я никогда не буду с ним драться, потому что боюсь, я парализована страхом, превратилась в настоящего параноика.

– Так ты что, сумасшедшая? Поэтому тебя тут держат? –

Он приподнялся на локте, вглядываясь мне в лицо, и снова засмеялся. – Я не собираюсь ничего с тобой делать.

Я не верю ему.

– Как тебя зовут? – спросил он.

До меня долетел раздраженный вздох. Сокамерник повернулся спиной на кровати, половина которой только что была моей. Я не спала всю ночь, положив подбородок на колени, крепко обхватив себя руками и свесив длинные темные волосы – единственную завесу между нами.

Я не буду спать.

Я не могу спать.

Не могу снова слышать эти крики.

Глава 2

Утро встретило нас запахом дождя.

Воздух в камере промозглый и тяжелый от запаха мокрого камня и сырой земли. Глубоко вздохнув, на цыпочках подхожу к окну и прижимаюсь носом к холодной поверхности. От моего дыхания стекло запотевает. Закрыв глаза, слушаю мягкие частые удары капель, не заглушаемые ветром. Капли дождя – единственное напоминание о том, что у туч тоже бьется сердце. Как и у меня.

Меня всегда интересовали дождевые капли.

Ведь это же интересно, как они падают, спотыкаясь, ломая ноги, забывая парашюты, когда вываливаются из туч и несутся к неизвестному финалу. Словно

кто-то вытряхивает над землей карманы, не заботясь, куда попадет содержимое, не думая, что капли разбиваются, ударившись о землю, оставляя мокрые кляксы на асфальте, и что люди проклинают дни, когда дождевые капли осмеливаются постучаться к ним в дом.

Я дождевая капля.

Окно говорит мне, что мы недалеко от гор и близко к воде, но сейчас все в мире близко к воде. Я только не знаю, с какой мы стороны, куда выходит окно камеры. Прищуриваюсь от раннего утреннего света. Кто-то поднял солнце и пришпилил к небесам, но каждый день небо нависает немного ниже, чем накануне. Словно невнимательный родитель, который знает тебя лишь наполовину, солнце не замечает, как меняются люди в его отсутствие. В темноте мы становимся совсем другими.

Внезапный шорох означает, что мой сокамерник проснулся.

Резко оборачиваюсь, словно меня опять застали за кражей еды. Это случилось всего однажды, но родители не поверили, что я взяла ее не для себя.
Я говорила, что пытаюсь спасти бродячих кошек за углом, но они не считали меня настолько человечной. Только не я. Не

такая, как я. Впрочем, они никогда не верили мне, поэтому я и оказалась здесь.

Сокамерник испытующе смотрит на меня.

Он заснул, не раздеваясь, в темно-синей футболке и светлых штанах со множеством карманов, заправленных в высокие, до голени, ботинки.

На мне одежда из мертвого хлопка[1 - Низкосортный хлопок из волокон с пороком естественного происхождения. – Здесь и далее примеч. пер.], зато щеки зарделись живыми розами.

Он медленно прошелся взглядом по моей фигуре, и от этого неторопливого разглядывания у меня забилось сердце. Розовые лепестки опали со щек и закружились коконом, отчего-то лишая меня мужества.

Перестань на меня смотреть, хочу я сказать.

Перестань трогать меня своими глазами, держи руки при себе и – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

– Как тебя зовут? – Он наклонил голову набок, и сила тяжести раскололась пополам.

Выжидаю минуту, моргаю, выравниваю дыхание.

Он шевельнулся, и мои глаза брызнули тысячей осколков. Рикошетом разлетевшись по комнате, они делали миллион снимков, миллион моментальных фотографий. Мельтешившие образы поблекли от времени, замороженные мысли робко затрепетали в мертвом пространстве, ураган воспоминаний рвал душу.

.

Резкий вздох, и я очнулась.

– За что ты здесь? – спрашиваю я, обращаясь к трещинам в бетонной стене. Четырнадцать трещин в четырех стенах, тысячи оттенков серого. Пол, потолок – все бетонное. Жалкие ложа – кроватные рамы – сварены из старых водопроводных труб. Маленький квадрат окна, слишком толстое стекло, чтобы выбить. Надежда иссякла. Глаза болят, трудно сфокусировать взгляд. Палец медленно ведет дорожку по холодному полу.

Я сижу на полу, где пахнет льдом, металлом и грязью. Сокамерник усаживается напротив по-турецки. Слишком блестящие у него ботинки для этого заведения.

– Ты меня боишься. – Его низкий голос не имеет формы.

Пальцы сами сжались в кулак.

– Я боюсь, что ты псих.

Может, я и лгу, но это не его дело.

Сокамерник фыркает. Звук эхом отдается в мертвом воздухе камеры. Я не поворачиваю головы, не смотрю в глаза, сверлящие меня. Вдыхаю затхлость, переработанный кислород. Горло сжимается от знакомого ощущения, которое я уже научилась подавлять.

Два стука в дверь возвращают меня к реальности.

За долю секунды сокамерник оказывается на ногах.

– Там никого нет, – говорю я. – Это наш завтрак.

Двести шестьдесят четыре завтрака, а я так и не разобралась, из чего они состоят. Пахнущий химией аморфный кусок, который всегда приносят, когда уже нет сил терпеть голод. Иногда слишком сладкий, иногда пересоленный, но всегда отвратительный. Большую часть времени я слишком голодна, чтобы замечать разницу.

Я слышу, как сокамерник после секундного колебания подошел к двери, отодвинул задвижку маленькой щели и выглянул в мир, которого нет.

– Черт! – Он буквально запустил подносом в отверстие и прижал ладонь к рубашке. – Черт, черт! – Он сжал пальцы в кулак и стиснул челюсти. Обжегся. Я бы предупредила, если бы он слушал.

– Нужно выждать минимум три минуты, а потом уже трогать поднос, – говорю я стене, не глядя на зажившие шрамы, украшающие мои маленькие руки. На ожоги, которых никто не научил меня избегать. – Мне кажется, они делают это специально, – тихо добавляю я.

– О, сегодня ты со мной разговариваешь? – Он зол, в его глазах блеск, но он отводит взгляд. Я понимаю, что он скорее смущен, чем рассержен. Сильный. Слишком сильный, чтобы делать дурацкие ошибки на глазах у девчонки.
И слишком гордый, чтобы выдать боль.

Смыкаю губы, глядя в маленький стеклянный квадрат, который здесь называется окном. Сейчас животных почти не осталось, но я слышала рассказы о летающих птицах. Может, если повезет, однажды я увижу такую. Теперь в ходу самые дикие слухи, в которые мало верится, но я от многих слышала, что за последние несколько лет они своими глазами видели летающую птицу. Поэтому я смотрю в окно.

Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я…

Его рука.

На моем плече.

Кончики пальцев.

Два пальца касались меня через одежду меньше секунды, и каждый мускул, каждая связка моего тела налились напряжением, сплелись в узлы, от которых каменеет спина. Я осталась очень спокойной. Я не двигаюсь, не дышу. Может, если не двигаться, прикосновение продлится вечно.

До меня никто не дотрагивался двести шестьдесят четыре дня.

Порой казалось, что одиночество во мне вот-вот взорвется, выдавившись через кожу, и я не знала, поможет ли мне плач, крики или истерический смех. Иногда я так отчаянно хотела к кому-нибудь прикоснуться и, в свою очередь, ощутить прикосновение, что почти не сомневалась – вот-вот я попаду в альтернативную вселенную, где меня никто не найдет.

Это уже перестало казаться невозможным.

Я кричала много лет, но никто меня не слышал.

– Ты что, есть не хочешь? – говорит сокамерник тише и с ноткой волнения.

–

. Нет. – Сорвавшееся с губ слово не громче дыхания. Я обернулась – я не должна была оборачиваться, но обернулась. Он внимательно смотрит на меня. Изучает. Губы приоткрылись, руки растерянно повисли, глаза с длинными ресницами в замешательстве моргают.

Меня будто ударили под ложечку.

Его глаза. Что-то в его глазах.

Я отодвинула от себя тот мир, заперла его, с огромным трудом повернув ключ.

Тьма спрятала меня в своих складках.

– Эй…

Резко открываю глаза. Словно от двух разбитых окон, рот наполнился стеклом.

– Что с тобой? – Он силится говорить безразлично, но сквозь напускное равнодушие в голосе слышится тревога.

Сосредоточиваюсь на прозрачном квадрате, вбитом между мной и свободой. Я хочу размозжить этот бетонный мир, чтобы и памяти о нем не осталось. Я хочу быть больше, лучше, сильнее.

Я хочу быть злой, злой, злой.

Я хочу стать птицей, которая улетит отсюда.

– Что ты пишешь? – спрашивает сокамерник. – Почему не отвечаешь? –
Он слишком близко, слишком близко, слишком близко.

Никто никогда не подходил ко мне так близко.

Сквозь зубы всасываю воздух и жду, пока он отойдет, как все остальные в моей жизни. Не отрываю глаза от окна, от обещания еще возможного чуда.
От обещания чего-то большего, лучшего, оправдания безумия, зреющего во мне, объяснения моей неспособности сделать хоть что-нибудь, не разрушив,
не испортив. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она…

– Эй…

– Не касайся меня, – шепчу я. Лгу, скрывая от него, что жажду прикосновений. Пожалуйста, трогай меня, хочется мне сказать.

Но когда ко мне прикасаются люди, происходит… всякое. Странное. Скверное.

Смертельное.

Я не помню тепла объятий. Руки болят от неизбежного льда изоляции. Собственная мать не могла держать меня на руках. Отец не мог согреть мои ледяные руки. Я жила в мире пустоты.

Привет.

Мир.

Ты меня забудешь.

Тук-тук.

Сокамерник вскакивает на ноги.

Время принимать душ.

Глава 3

Дверь открывается в черную бездну.

Там нет ни цвета, ни света, ни обещаний, там только ужас, с той стороны. Никаких слов, никаких указаний, только открытая дверь, которая всякий раз означает одно и то же.

У сокамерника снова вопросы.

– Что за черт? – Он переводит взгляд с меня на иллюзию побега. – Нас выпускают?

– Пора принимать душ.

– Душ? – Оживление пропадает, но голос по-прежнему звенит от любопытства.

– У нас мало времени, – говорю я. – Надо торопиться.

– Подожди, куда? – Он тянется к моей руке, но я отодвигаюсь. – Света же нет, куда идти, не видно…

– Быстрее. – Я внимательно смотрю на пол. – Держись за подол моей рубашки.

– Да о чем идет речь?

Вдалеке раздался сигнал тревоги. Сирена все ближе, звук нарастает, и вот камера уже содрогается от предупреждающего воя. Дверь медленно поехала обратно. Я схватила сокамерника за футболку и решительно повела в темноту.

– Ничего. Не. Говори.

– Но…

– Ничего! – шикаю я, таща его за край футболки и нащупывая дорогу в лабиринте коридоров. Психиатрическая лечебница.

. Это тюрьма. Нас почти не кормят, мы не видим друг друга, разве что в редких лучах света, украдкой пробирающихся через трещины в стеклянных квадратах, которые они называют окнами. Ночи наполнены криками и заглушенным плачем, воплями и стонами, звуками рвущейся плоти и ломающихся костей по воле сил и по выбору, неведомому мне. Три первых месяца я провела в собственном смраде – никто не сказал, где находятся душевые. Никто не говорил, как там включать воду. С нами не говорят, только сообщают плохие новости. Никто никогда к нам не прикасается. Юноши и девушки никогда не видят друг друга.

Вчерашний день стал исключением.

Это не может быть случайностью.

Глаза понемногу привыкают к вечной искусственной ночи. Пальцы касаются неровных стен. Сокамерник молчит. Я почти горжусь им. На фут выше меня,

твердое от сильных мышц тело, сила обычного человека примерно моего возраста. Мир еще не сломал его. Сколько свободы в неведении…

– А что…

Я сильно дергаю его за футболку, чтобы молчал. Мы еще не прошли коридоры. У меня странное ощущение, что я защищаю его – парня, который может раздавить меня двумя пальцами. Он не понимает, каким уязвимым делает его неопытность. Не понимает, что его могут убить без всякого повода.

Я решила не бояться. Я считаю его поведение скорее мальчишеством, чем настоящей угрозой.

… Когда-то я знала мальчика с синими глазами, и воспоминания не позволяют мне возненавидеть сокамерника.

Мне хотелось бы завести друга.

Еще шесть футов, и стена из шероховатой становится гладкой. Поворачиваем направо. Два фута пустого пространства, и мы у деревянной занозистой двери со сломанной ручкой. Выждать три удара сердца, чтобы убедиться – мы одни. Один шаг вперед – и мягко тронуть дверь. Один негромкий скрип, и щель расширяется. Внутри ничего не видно, но я представляю, как выглядит душевая.

– Сюда, – шепотом говорю я.

Я тяну его к душевым кабинкам и шарю по полу в поисках обмылков, застрявших в стоке. Нахожу два кусочка, один вдвое больше другого.

– Протяни руку, – говорю я в темноту. – Он скользкий, не урони. Мыла мало, нам сегодня повезло.

Несколько секунд нет ответа. Начинаю волноваться:

– Ты тут?

Неужели ловушка? Может, таков их план – его послали убить меня в этой каморке в кромешной темноте? Я до сих пор не знаю, что со мной хотят сделать в психлечебнице. Может, решили, что с меня достаточно изоляции, но ведь могут и убить. Так целесообразнее.

Не сказала бы, что я этого заслуживаю.

Я здесь за то, что совершила ненамеренно, и никому, похоже, нет дела, что это был несчастный случай.

Я не слышу шума воды, и сердце останавливается. Эта душевая редко бывает полной, но, как правило, один-двое моются. Я пришла к выводу, что обитатели лечебницы действительно психически больны и либо не в состоянии найти дорогу в душевую, либо не обращают внимания на такие мелочи.

С усилием сглатываю комок в горле.

– Как тебя зовут? – Его голос раскалывает воздух и мой поток сознания. Я чувствую его дыхание гораздо ближе, чем прежде. Сердце бьется быстрее; не понимаю, почему я не могу справиться с собой. – Это что, тайна?

– Ты ладонь подставил? – спрашиваю я пересохшим ртом. Выходит грубо и хрипло.

Он подается на несколько дюймов вперед. Я боюсь дышать. Его пальцы тронули жесткую ткань единственной одежды, которая у меня есть, и я с облегчением выдыхаю. Пока он не дотронется до моей кожи… Пока он не дотронется до моей кожи… Пока он не дотронется до моей кожи, мой секрет остается при мне.

Моя тонкая рубаха столько раз стиралась в здешней жесткой воде, что царапает кожу, как джутовый мешок. Уронив больший обмылок в ладонь сокамерника, на цыпочках отхожу назад.

– Я включу для тебя душ, – объясняю я, стараясь не повышать голос, чтобы другие не услышали.

– А что с одеждой делать?

Он по-прежнему слишком близко.

Неистово моргаю в темноте.

– Придется раздеться.

Послышалось отрывистое сопение – он беззвучно смеется.

– Нет, это понятно. Куда ее деть, пока я моюсь?

– Постарайся не намочить.

Он глубоко вздыхает.

– Сколько у нас времени?

– Две минуты.

– Господи, ну почему ты ничего не гово…

Включаю два душа одновременно, и его жалобы тонут под частыми пульками воды из едва работающих насадок.

Я двигаюсь автоматически. Я столько раз это делала, что уже запомнила самые эффективные методы оттирания, смывания и расходования мыла на тело и волосы. Полотенец нет, поэтому фокус в том, чтобы не намочить какую-нибудь часть тела слишком сильно. Высушиться толком не удастся, и следующую неделю будете подыхать от пневмонии. Я знаю.

Ровно через девяносто секунд я выкрутила волосы и натянула изношенную одежду. Единственное, что до сих пор остается в сносном состоянии, –

теннисные туфли: мы здесь мало ходим.

Сокамерник отстал лишь на несколько секунд. Надо же, какой способный ученик.

– Держись за подол моей футболки, – приказываю я. – Надо спешить.

Его пальцы на целую секунду коснулись моей поясницы, и я зубами впилась в губу, чтобы подавить интенсивность ощущения, и едва не застыла на месте. Никто никогда не подносил ко мне руку даже близко.

Ускоряю шаг, чтобы он чуть отодвинул руку. Сокамерник спотыкается в темноте, но не отстает.

Наконец мы оказываемся в знакомых четырех бетонных стенах, вызывающих клаустрофобию. Сокамерник не сводит с меня глаз.

Съеживаюсь в углу. У него по-прежнему моя кровать, одеяло, подушка. Я прощаю ему неопытность, но становиться друзьями, пожалуй, рановато. Возможно, я слишком поспешила ему помочь. Может, он здесь, чтобы издеваться надо мной. Если я не согреюсь, то заболею. Волосы мокрые, а одеяло, в которое я обычно их заворачиваю, все еще на его стороне камеры. Кажется, я по-прежнему боюсь его.

С судорожным вздохом испуганно поднимаю голову и в тусклом свете дня вижу, как сокамерник накрывает мои плечи двумя одеялами.

Моим.

И своим.

– Прости, я вел себя по-хамски, – шепчет он куда-то в стену. Он не коснулся меня, и я испытала

облегчение.

. Нельзя. Ко мне нельзя прикасаться.

– Я Адам, – медленно говорит он, отодвигаясь от меня, пока в комнате не стало казаться пусто. Правой рукой он снова тащит одну кроватную раму к моей стене.

Адам.

Какое хорошее имя. Сокамерник с хорошим именем.

Это имя мне всегда нравилось. Не помню почему.

Я не стала тратить время, залезая на едва прикрытые пружины матраца. Я так измучена, что почти не ощущаю металлических колец, готовых проткнуть мне кожу. Я не спала больше суток. «Адам – хорошее имя», – успела подумать я, прежде чем меня поглотила усталость.

Глава 4

Я не сумасшедшая.

Ужас разрезал мои веки, и глаза открылись.

Я плаваю в холодном поту, мысли захлестывают волны незабытой боли. Глаза фокусируются на двух черных кружках, растворившихся в темноте. Я не знаю, сколько я спала. Я и не подозревала, что могу напугать сокамерника своими снами. Иногда я кричу во сне.

Адам смотрит на меня.

Тяжело дыша, сажусь прямее, плотнее заворачиваюсь в одеяла и только тут спохватываюсь, что украла его единственное средство согреться. Даже в голову не пришло, что он мерзнет не меньше меня. Зябко дрожу; Адам, впрочем,

кажется неподвижным – мощный силуэт на фоне занавеса черноты.

Сказать было нечего.

– В этом заведеньице крики никогда не смолкают, что ли?

– Нет, – отвечаю почти беззвучно. На щеках проступает легкая краска, но в темноте не заметно. Адам, должно быть, слышал мои крики.

Иногда мне хочется, чтобы не надо было спать. Иногда думаю, что если замереть и не шевелиться никогда-никогда, все изменится. Я замру, и боль замрет. Иногда не двигаюсь часами. Ни на дюйм.

Если время остановится, ничего дурного не произойдет.

– Тебе плохо? – В голосе Адама слышится озабоченность. Я смотрю на его сжатые кулаки, на глубокую поперечную морщину, пересекающую лоб, на напряженный подбородок. Человек, укравший у меня кровать и одеяло, сегодня обошелся без ничего. Задиристый и беззаботный считанные часы назад; внимательный и тихий сейчас. Мне становится не по себе: неужели он так быстро сломался? Что такого он слышал, пока я спала?

Жаль, что я не могу спасти его от страха.

Вдалеке что-то разбилось, и откуда-то донесся крик боли. Наши камеры глубоко утоплены в бетоне, стены толще, чем полы и потолки, звуки почти не вырываются. Если бы еще и вопли слушать, жизнь стала бы невыносимой. Каждую ночь здесь раздаются звуки, которых я не слышу. Каждую ночь я гадаю, не моя ли сегодня очередь.

– Ты не сумасшедшая.

Смотрю на него. Голова чуть наклонена, глаза сосредоточенны и ясны – в этом-то склепе, где мы заточены…

– Я думал, тут все психи, – продолжал он. – Думал, меня заперли с сумасшедшей.

Судорожно глотаю воздух.

– Забавно. Я тоже так подумала.

Одна.

Две.

Три секунды.

И он улыбается так широко, так весело и искренне, что мое тело словно сотрясает удар грома. Что-то колет в глазах, колени разом слабеют. Я не видела улыбки двести шестьдесят пять дней.

Адам поднимается на ноги.

Протягиваю ему его одеяло.

Он берет одеяло и туже заворачивает в него меня. Что-то сжимает грудь. Легкие словно проткнули чем-то острым и стянули вместе. Я решила не двигаться целую вечность.

– Что-то не так? – спрашивает он.

– Нет, ничего.

Еще пять секунд.

– Можно мне сесть рядом?

Это было бы здорово.

– Нет. – Я снова смотрю в стену.

На щеках у него на секунду проступают желваки. Он проводит рукой по волосам. Я впервые спохватываюсь, что он без футболки. В камере так темно, что я вижу только контуры его фигуры, можно сказать, один силуэт: у луны лишь маленькое окошко, чтобы скупо осветить часть пола. Но мне видно, как с каждым движением у него напрягаются мышцы рук. Меня жжет неведомое пламя. Огненные языки лижут кожу, под ложечкой нестерпимый жар. Каждый дюйм его тела наполнен силой, каждый изгиб чуть светится в темноте. За семнадцать лет я не видела ничего подобного. За семнадцать лет я никогда не говорила с ровесником.

.

Плотно закрываю глаза – так, что веки будто срослись.

Скрипнула его кровать – пружины застонали, когда он сел. Разлепив глаза и глядя в пол, спрашиваю:

– Тебе, наверное, холодно?

– Нет, – шумно вздыхает он. – Вообще-то я горю.

Вскакиваю на ноги – одеяла падают на пол.

– Ты заболел? – Вглядываюсь в его лицо, ища признаки лихорадки и не осмеливаясь приблизиться ни на дюйм. – Голова кружится? Суставы ломит? – Я стараюсь вспомнить собственные симптомы. Тогда я слегла на неделю. Сил хватало только подползти к двери и по-собачьи, ртом съесть еду с подноса. Не знаю, как я выжила.

– Как тебя зовут?

Спрашивает уже в третий раз.

– Ты, наверное, заболел.

Больше я не могу заставить себя ничего сказать.

– Я не болен, просто жарко. Обычно я не сплю в одежде.

Под ложечкой стало щекотно и горячо. Меня буквально скрутило от необъяснимого унижения. Я не знаю, куда глаза девать.

Глубокий вздох.

– Вчера я вел себя как дерьмо. Я обошелся с тобой хуже некуда и хочу извиниться. Я был не прав.

Набираюсь смелости и встречаюсь с Адамом взглядом.

Его глаза очень красивого кобальтового оттенка – синие, как зрелый синяк, ясные, глубокие и решительные. Подбородок волевой, четко очерченный, лицо сосредоточенное, внимательное. Он думал о вчерашнем всю ночь.

– Ладно, проехали.

– Почему ты все-таки не говоришь своего имени? – Он подается вперед, и я замираю.

Но быстро начинаю оттаивать.

Я таю.

– Джульетта, – шепчу я. – Меня зовут Джульетта.

Его губы, смягчившись, складываются в улыбку, от которой у меня по спине пробегает томительная судорога. Он повторяет мое имя, словно самый звук его забавляет. Радует. И нравится.

Глава 5

Я не знаю, когда это началось.

Я не знаю, почему это началось.

Я не знаю ничего ни о чем, кроме крика.

Моя мать закричала, поняв, что не может больше трогать меня. Отец закричал, увидев, что я сделала с матерью. Родители кричали, запирая меня в комнате, что я должна быть благодарна. За их еду. За человеческое обращение с существом, которое не может быть их ребенком. За деревянную ярдовую линейку, применяемую ими для того, чтобы отмерять расстояние от меня.

Я погубила их жизнь, сказали они мне.

Я украла их счастье. Убила надежду матери иметь еще детей.

Разве я не вижу, что сделала, говорили они мне. Разве не вижу, что все испортила?

Я всячески пыталась исправить то, что испортила. Каждый день старалась быть такой, как они хотели. Все время пыталась стать лучше, но не знала как.

Я только знала, что ученые ошибаются.

Земля плоская.

Я это точно знаю, потому что меня столкнули с края, и семнадцать лет я держусь из последних сил. Все семнадцать лет я пытаюсь забраться обратно,

но почти невозможно преодолеть силу тяжести, когда никто не желает тебе помочь. Протянуть руку.

Когда никто не хочет рисковать, коснувшись тебя.

Сегодня идет снег.

Бетон ледяной и жестче, чем обычно, но я предпочитаю морозилку удушающей влажности летних дней. Лето – мультиварка, в которой все в мире закипает, а оно знай повышает температуру по одному градусу. Лето обещает миллион счастливых прилагательных, а затем вливает смрад нечистот в твои ноздри. Ненавижу жару и липкий, потный ад. Ненавижу вялую, равнодушную скуку солнца, слишком занятого собой, чтобы заметить бессчетные часы, которые мы проводим в его присутствии. Солнце – надменное существо: устав от нас, оно покидает мир.

Луна – верный товарищ.

Она никогда не уходит. Она всегда здесь, смотрит, знает наши светлые и темные стороны и вечно меняется, совсем как мы. Каждый день она новая. Иногда слабая и тусклая, иногда сильная и яркая. Луна понимает, что означает быть человеком.

Неуверенным. Одиноким. Полным несовершенств.

Я так долго смотрела в окно, что забыла себя. Я вытягиваю руку поймать снежинку, но пустой кулак смыкается в ледяном воздухе.

Хочу просунуть кулак, прикрепленный к моему запястью, через окно.

Чтобы что-то почувствовать.

Чтобы ощутить себя человеком.

– Который час?

Долю секунды мои веки трепещут. Голос Адама вернул меня в мир, который я стараюсь забыть.

– Не знаю.

Я понятия не имею, который сейчас час. Я не знаю, какой сегодня день недели, какой месяц и даже какое время года должно сейчас быть.

У нас уже нет смены сезонов.

Животные умирают, птицы не летают, зерна не достать, цветов не осталось. Погода будто сошла с ума. Иногда в зимние дни жара под девяносто два градуса. Иногда без всяких причин идет снег. Мы уже не можем вырастить достаточно зерновых, животным не хватает еды, мы не можем накормить людей нормальной пищей. Человечество вымирало с угрожающей скоростью, прежде чем к власти пришли сторонники Оздоровления, уверяя, что знают выход. Оголодавшие животные готовы были питаться чем угодно, а голодные люди готовы были есть отравленных животных. Мы убивали себя в попытке выжить. Погода, растения, животные и спасение человека нераздельно связаны. Естественные составляющие природы между собой не воюют, это вредило бы экосистеме. Нашей атмосфере. Нашим животным. Нашим собратьям-людям.

Оздоровленцы обещали все исправить. Но если жизнь при новом режиме немного улучшилась, куда больше людей умерло от пистолетной пули, чем от пустого желудка. И ситуация накаляется.

– Джульетта!

Резко вскидываю голову.

В его взгляде осторожность, беспокойство. Анализирует он меня, что ли?

Отвожу глаза.

Он говорит, прочистив горло:

– Нас что, кормят раз в сутки?

При этом вопросе мы оба невольно смотрим на маленькую щель под дверью.

Я подтягиваю колени к груди и поровнее устраиваюсь на кроватной раме. Если сидеть очень-очень неподвижно, то почти не заметно, как металл впивается в тело.

– А здесь нет системы в подаче пищи, – отвечаю я, ведя пальцем новый узор по грубому одеялу. – Обычно что-то дают по утрам, но в остальном никаких гарантий. Иногда нам… везет. – Глаза сами поднялись к оконной раме, вбитой в стену. Красно-розовый свет сочится в камеру. Новое начало прежнего финала. Новый день.

Может, сегодня прилетит птица.

– Значит, раз в день открывают дверь, чтобы люди сделали свои дела, а если повезет, то нас кормят? Так, что ли?

Птица будет белой, с золотой макушкой вроде короны на голове. Она мелькнет за окном.

– Да.

– А как же групповая терапия? – Он едва сдерживает смех.

– До твоего прихода я не сказала ни слова за двести шестьдесят четыре дня.

Наступившее молчание очень красноречиво – я почти могу потрогать вину, под тяжестью которой поникли его плечи.

– Тебя сюда надолго? – спрашивает он наконец.

–

. Не знаю, – что-то механическое скрипит/стонет/визжит в отдалении. Моя жизнь – четыре стены упущенных возможностей, бетоном залитых в опалубку.

– А что твоя семья? – В его голосе искреннее сочувствие, будто он знает ответ.

– А ты здесь за что? – говорю я своим пальцам, чтобы не встречаться взглядом с Адамом. Я тщательно изучила свои руки и точно знаю, где каждая шишка, шрам и синяк, испестрившие кожу. Маленькие руки. Тонкие пальцы. Сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы ослабить напряжение. Адам молчит.

Поднимаю глаза.

– Я не сумасшедший, – отвечает он наконец.

– Все так говорят. – Я чуть поворачиваю голову, лишь для того, чтобы покачать ею на долю дюйма. Помимо воли я то и дело поглядываю на окно.

– Почему ты все время смотришь в окошко?

Я не против его вопросов, правда. Просто отвыкла разговаривать. Странно тратить силы, заставляя губы складывать слова, объясняющие мои действия. Никому так долго не было до меня дела. Никто не видел меня достаточно близко, чтобы заметить – я часто смотрю в окно. Никто никогда не обращался со мной как с равной. С другой стороны, Адам не знает

мой секрет. Остается гадать, сколько это продлится, прежде чем он убежит от меня, спасая свою жизнь.

Я забыла ответить, но Адам не сводит с меня взгляда.

Заправляю прядку за ухо и, вдруг передумав, спрашиваю:

– А почему ты так пристально за мной следишь?

Его глаза внимательны и любопытны.

– Я так рассудил: меня могли запереть с девчонкой, только если она сумасшедшая. Мне казалось, они придумали для меня новую пытку – посадить в камеру к психопатке. Я решил, ты мое наказание.

– Поэтому украл мою кровать.

Чтобы показать, кто здесь главный. Чтобы застолбить участок. Чтобы напасть первым.

Адам потупился, сжал и разжал кулаки, затем потер шею сзади.

– Почему ты мне помогла? Как ты узнала, что я тебя не обижу?

Я пересчитываю пальцы – убедиться, что все они при мне.

– Да я ничего…

– Не помогала мне или не знала, что я не опасен?

– Адам. – Губы округло сложились в его имя. Я удивилась приятному знакомому ощущению, когда слово скатилось с языка.

Он сидит почти так же неподвижно, как я. В глазах появилось новое выражение, которое я не могу понять.

– Да?

– Как там,

снаружи? – спрашиваю я, произнося все тише каждое слово. – Хуже стало?

Боль исказила его четкие, красивые черты. Он справился с собой только через несколько секунд и взглянул на окно.

– Честно? Я не знаю, где лучше – здесь или там.

Я тоже смотрю на стекло, отделяющее нас от реальности, и жду, когда разомкнутся губы Адама, – мне хочется услышать, что он скажет. Но тут мое внимание привлекает уже сказанное – оно мечется в голове, затуманивая чувства, застилая глаза, ослабляя внимание.

– Ты знаешь, что это движение оказалось международным? – спрашивает Адам.

– Нет, – отвечаю я, умолчав, что меня вытащили из дома и насильно увезли три года назад. Получается, меня увезли ровно через семь лет после начала проповедей оздоровленцев и четыре месяца спустя после того, как они пришли к власти. Я не сказала Адаму, как мало знаю о новом мире.

По словам Адама, Оздоровление запустило руки в каждую страну, желая видеть лидерами государств своих ставленников. Он сказал, что необитаемые территории всего мира поделили на 3333 сектора, которые контролируют особые Уполномоченные Лица.

– Ты знаешь, что они нам лгали? – спрашивает Адам. – Ты знаешь, что оздоровленцы кричали – кому-то надо руководить, кто-то должен спасти общество, восстановить мир? Ты знаешь, что они заявили: истребление оппозиции – единственный путь к миру? Ты знаешь все это?

Тут я кивнула. Тут я ответила «да».

Эту часть я помню: возмущение, бунты, ярость.

Глаза закрылись в подсознательной попытке блокировать тяжелые воспоминания, но это возымело обратный эффект. Протесты. Митинги. Вопли о невозможности выжить. Я видела женщин и детей, погибших от голода, стертые в щебенку дома, лунный пейзаж вместо прежних полей, приносящих

теперь единственные плоды – разлагающуюся плоть жертв военных действий. Я видела смешанный с землей мертвенно-красный, винно-красный, темно-красный и даже роскошный алый оттенок любимой маминой помады.

Можно сказать одно: все погибли.

– Оздоровление всеми мерами удерживает власть, – продолжает Адам, – пытаясь развязать войну против восставших противников нового режима. Как новая форма правления, Оздоровление ищет поддержку у всех международных сообществ.

Я гадала, где теперь те, кого я видела каждый день. Что сталось с их домами, родителями, детьми? Кто из них уже лежит в земле?

Сколько из них убиты?

– Они все уничтожают. – Голос Адама звучит странно торжественно в этой тишине. – Книги, артефакты, любое упоминание об истории человечества. Они доказывают, что это единственный способ улучшить создавшееся положение. Якобы нужно начать с чистого листа, чтобы не повторять ошибок предыдущих поколений.

Два

стука

в дверь,

и мы оба на ногах, грубо выдернутые в мрачную реальность.

Адам поднял бровь:

– Завтрак?

– Выжди три минуты, – напоминаю я. У нас прекрасно получалось не показывать голод, но двойной стук в дверь моментально лишил нас воли.

Они нарочно морят нас голодом.

– Да. – Его губы сложились в мягкую улыбку. – Не хочу еще раз обжечься. – Воздух колыхнулся, когда он шагнул вперед.

Я осталась сидеть неподвижно.

– Все же я не понял, – тихо говорит он. – За что тебя сюда посадили?

– Почему ты так много спрашиваешь?

Он в футе от меня, я – в десяти дюймах от спонтанного взрыва.

– У тебя очень глубокие глаза, – говорит он, наклонив голову набок. – Такие спокойные. Хочется узнать, о чем ты думаешь.

– Не нужно… – Мой голос дрогнул. – Ты меня совсем не знаешь.

Он засмеялся, и в его глазах заплясали веселые огоньки.

– Не знаю?

– Нет.

Покачав головой, он садится на свою кровать.

– Верно. Не знаю.

– Что?

– Ты права. – Он справился с собой. – Может, я и сумасшедший.

Отступаю на два шага.

– Может, и так.

Он снова улыбается, и мне хочется его сфотографировать. Я готова смотреть на изгиб этих губ остаток жизни.

– Да не псих я!

– Но ты не ответил, почему ты здесь, – упрямо повторяю я.

– Ты тоже.

Бросаюсь на колени и втаскиваю поднос через щель. Неопределимое варево дымится в двух оловянных кружках. Адам усаживается на пол напротив меня.

– Завтрак, – объявляю я, пододвигая ему его порцию.

Глава 6

Одно слово, две губы, три, четыре, пять пальцев складываются в один кулак.

Один угол, два родителя, три, четыре, пять причин прятаться.

Один ребенок, два глаза, три, четыре, семнадцать лет страха.

Сломанная швабра, два бешеных лица, злой шепот, замок на моей двери.

Посмотрите на меня, хочу я сказать. Говорите со мной иногда. Найдите мне средство от этих слез. Я очень хочу вздохнуть с облегчением первый раз в жизни.

Прошло две недели.

Две однообразные недели, две недели из ничего, кроме однообразия, две недели с сокамерником,

который до меня не дотрагивается. Адам привыкает. Он не жалуется, ничего сам не рассказывает и продолжает задавать слишком много вопросов.

Он ласков со мной.

Я сижу у окна и смотрю, как смешиваются дождь, листья и снег. Они по очереди танцуют в воздухе, исполняя свои хореографические па для безразличных ко всему людей. Солдаты шагают, шагают, с топотом шагают под дождем, давя сапогами листья и выпавший снег. Стиснутые перчатками руки сжимают ствол оружия, способного стрелять в разных режимах. Они не дают себе труда заметить падающую с неба красоту. Они не знают свободы в ощущении вселенной на твоей коже. Им все равно.

Я хочу набить рот дождевыми каплями, а карманы – снегом. Хочу провести пальцем по жилкам упавшего листа, и чтобы ветер холодил мне нос.

Вместо этого я стараюсь не обращать внимания на отчаяние, хотя от него слипаются пальцы, и жду птицу, которую видела только во сне. Раньше птицы, говорят, летали. Прежде чем истончился озоновый слой, прежде чем от загрязнения атмосферы птицы мутировали в нечто

иное. Говорят, погода не всегда была такой непредсказуемой. По слухам, существовали птицы, пересекавшие небо, как самолеты.

Едва ли такое маленькое живое существо могло соперничать со сложнейшим созданием человеческого ума, но искушение поверить слишком соблазнительно. Я мечтаю о птице в небе уже десять лет. Белой с золотой макушкой, словно в короне.

Только эта мечта дает умиротворение моей душе.

– Что ты пишешь?

Прищурившись, смотрю на его сильное тело, на легко появляющуюся улыбку. Не знаю, откуда у него силы улыбаться, несмотря ни на что. Сможет ли он сохранить отличную форму и этот особый изгиб губ, способный изменять

судьбы? Представив, что с ним станет через месяц, я содрогнулась.

Не хочу, чтобы он стал таким, как я.

Опустошенным.

– Эй! – Он сгреб одеяло с моей кровати и нагнулся ко мне, одним движением обернув реденькую ткань вокруг моих плеч, ставших совсем прозрачными. – Ты что?

Пытаюсь улыбнуться, решив уйти от вопроса.

Он садится рядом, спиной к стене. Его плечи совсем близко, слишком близко

. Жар его тела согревает меня лучше одеяла. Суставы ломит от острого желания, безрассудной потребности, которой мне никогда не утолить. Тело молило о том, чего я не могу себе позволить.

Он заглядывает в маленький блокнот у меня в ладони, смотрит на сломанную ручку, зажатую в кулаке. Закрыв блокнот, я скатываю его в комок и засовываю в щель в стене, после чего принимаюсь изучать ручку на ладони, ощущая на себе испытующий взгляд.

– Ты пишешь книгу?

– Нет.

Нет, книгу я не пишу.

– Может, и зря.

Я встретилась с ним взглядом и сразу пожалела об этом. Нас разделяет менее трех дюймов, и я не могу двинуться, потому что умею только замирать. Мышцы

напряжены, движения замедляются, каждый позвонок превращается в кубик льда. У меня захватывает дыхание, глаза расширяются, я не в силах оторваться от его пристального, упорного взгляда. Я не могу отвести глаза. Не знаю, куда отступить.

О Боже.

Его глаза!

Я лгала себе, упрямо отрицая невозможное.

Я его знаю, я его знаю, я его знаю, я его знаю.

Мальчик,

с которым мы были знакомы в прежней жизни.

– Они хотят уничтожить английский язык, – негромко говорит Адам.

Мне стоит больших трудов не сбить дыхание.

– Они хотят создать все заново, – продолжает он. – Все переделать. Хотят уничтожить все, в чем якобы кроется корень наших проблем. По их мнению, нам нужен новый, универсальный язык. – Его голос дрогнул, он опустил глаза. – Они хотят уничтожить все известные языки.

– Ох нет, – задохнулась я. Перед глазами поплыли пятна.

– Я точно знаю.

– Нет!

Такого я представить себе не могла.

– Хорошо, что ты записываешь происходящее. Однажды и это станет незаконным.

Меня трясет. Тело сопротивляется Мальстрёму эмоций; мне больно от невозможности удержать мир, который я знала, и от того, что Адам меня не помнит. Ручка выпала на пол; я вцепилась в одеяло – не понимаю, как оно выдержало; острый лед кромсал мою кожу, сгустившийся ужас забивал вены. Мне и не снилось, что все станет так плохо. Я не думала, что Оздоровление зайдет так далеко. Они превратят в пепел, в прах культуру, красоту разнообразия. Гражданами нового мира станут безликие субъекты, легко заменяемые, легко удаляемые, легко уничтожаемые за неподчинение.

Мы утратим то, что делает нас людьми.

Накинув одеяло на плечи, заворачиваюсь в теплый кокон. Дрожь не проходит. Меня пугает непокорность собственного тела – я не могу унять тремор.

Неожиданно мне на спину ложится теплая ладонь.

Прикосновение обжигает кожу сквозь слои ткани. Судорожно втягиваю воздух, едва не разрывая легкие. Меня охватывает замешательство, смешанное с нестерпимым

желанием оказаться еще ближе и вместе с тем как можно дальше. Не могу от него отодвинуться.

.

Не хочу, чтобы он меня боялся.

– Эй… – Мягкий голос едва слышен. Его руки сильнее, чем все мышцы моего тела. Адам притягивает меня, запеленутую, к себе, и я разлетаюсь на кусочки. Два, три, четыре, пятьдесят тысяч осколков вонзаются в сердце, тают каплями теплого меда и бальзамом льются на шрамы моей души. Одеяло – единственная преграда между нами, и Адам прижимает меня все ближе, все сильнее, пока я не начинаю ощущать биение его сердца. Сталь обнимающих рук перерезала

путы, сковывавшие мое тело. Исходящий от Адама жар растопил кристаллы льда, согрев меня изнутри, и я таю, таю, таю, веки трепещут и медленно опускаются, и тихие слезы сами струятся по щекам от единственного желания – замереть в его объятиях. – Все хорошо, – шепчет Адам. – С тобой все будет хорошо.

Правда – завистливая, злобная, вечно бдящая хозяйка, хотелось мне сказать. У меня никогда ничего не будет хорошо.

Мне пришлось напрячь каждое хлипкое мышечное волокно всего моего существа, чтобы отодвинуться от Адама. Так надо.

В спину будто втыкали вилки, когда я отодвигалась. Одеяло запуталось вокруг щиколоток, я едва не упала, и Адам потянулся подхватить меня.

– Джульетта…

– Меня нельзя трогать. – Дыхание стало частым-частым, в горле ком, пальцы дрожат мелкой дрожью, сжимаю их в кулак. – Нельзя трогать. Нельзя… – Я не свожу взгляд с двери.

Он поднимается на ноги.

– Почему?

– Нельзя, и все, – шепчу я в стену.

– Я не понимаю, почему ты не говоришь со мной? Сидишь в углу целый день, пишешь в своей книжке, смотришь куда угодно, только не на меня. Тебе так много надо сказать клочку бумажки, а я стою в одном шаге, но ты даже не замечаешь меня. Джульетта! – Он проворно хватает меня за локоть. Отворачиваюсь. – Почему ты даже не смотришь на меня? Я тебе ничего не сделаю…

Ты меня не помнишь.

– Ты меня не знаешь. – Мой голос звучит ровно и плоско, руки и ноги онемели, будто ампутированные. – Мы сидим в одной камере две недели, ты решил, что достаточно узнал меня, но ты по-прежнему ничего обо мне не знаешь. Что, если я сумасшедшая?

– Никакая ты не сумасшедшая, – говорит он сквозь зубы. – И прекрасно это знаешь.

– Значит, сумасшедший ты, – возражаю я. – Один из нас точно псих.

– Это неправда.

– Скажи мне, за что ты здесь, Адам? Что ты, якобы здоровый, делаешь в психиатрической лечебнице?

– Я задаю тебе тот же вопрос с первого дня.

– Может, ты задаешь слишком много вопросов?

Слышу, как он с силой выдохнул и невесело засмеялся:

– Мы, можно сказать, последние живые люди в этом заведении, а ты и меня хочешь заткнуть?

Закрываю глаза и думаю только о дыхании.

– Отчего же, говорить можно. Дотрагиваться нельзя.

Семь секунд молчания присоединились к беседе.

– А если я хочу тебя трогать?

Мое сердце превратилось в дуршлаг от пятнадцати тысяч выражений острого недоверия. Меня посетило искушение повести себя безрассудно – болезненное,

отчаянное желание получить навсегда запретный для меня плод. Я отвернулась, но не удержала ложь, и она выплеснулась у меня изо рта:

– А если я этого не хочу?

– Я тебе настолько противен? – резко спрашивает он.

Невольно оборачиваюсь, застигнутая врасплох его словами, и выдаю себя. Он смотрит на меня сурово, сжав челюсти, выставив подбородок, пальцы скрючены, как когти. Глаза, эти два ведра дождевой воды, глубокие, свежие и чистые.

Обиженные.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – задыхаясь, бормочу я.

– Ты не можешь ответить на простой вопрос!

Покачав головой, он отворачивается к стене.

Мое лицо застыло, как бесстрастная маска, руки и ноги будто залиты гипсом. Опустошенная, я ничего не чувствую. Я ничто, я пустота, я не могу пошевелиться. Смотрю на маленькую трещину у самой тенниски. Я буду смотреть на нее целую вечность.

Одеяла упали на пол. Мир расплывается, будто сбили резкость, в ушах звучат звуки иных измерений. Глаза закрываются, мысли куда-то плывут, воспоминания остро колют в самое сердце.

Я знаю его.

Я изо всех сил пыталась не думать о нем.

Я старалась забыть его лицо.

Я хотела забыть эти синие глаза, но я знаю его, я знаю его, я знаю его.
В последний раз я видела его три года назад.

Я никогда не могла бы разлюбить Адама.

А он забыл меня.

Глава 7

Я помню телевизоры, камины, фаянсовые раковины. Я помню билеты в кино, парковки, фургоны для перевозки мебели. Я помню парикмахерские, каникулы, оконные жалюзи, одуванчики и запах горячего асфальта на шоссе. Помню рекламу зубной пасты, женщин в туфельках на каблуках, стариков в деловых костюмах. Помню почтальонов, библиотеки, мальчишечьи рок-группы, воздушные шары и рождественские елки.

Я помню, что когда мне было десять лет, мы не могли уже выдерживать нехватку еды. Все так подорожало, что невозможно было позволить себе жить.

* * *

Адам со мной не разговаривает.

Может, это и к лучшему. Может, бессмысленно надеяться, что мы будем друзьями. Пусть лучше думает, будто я недолюбливаю его, чем знает, что он мне нравится. Слишком нравится. Он скрывает многое – наверное, болезненные воспоминания, но его тайны пугают меня. Он не говорит, за что он здесь. Хотя и я мало что говорю ему.

Вчера вечером память о его объятиях пересилила ужас еженощных криков неведомых узников. Тепло добрых рук, призывающих держаться, сила молодых

мышц, облегчение, окончание стольких лет одиночества. После такого дара я перед ним в неоплатном долгу.

Тронуть Джульетту почти невозможно.

Никогда не забуду ужас в глазах матери, муку на лице отца, страх, навсегда врезавшийся в их черты. Их ребенок

оказался чудовищем. Одержимым дьяволом. Проклятым. Адским отродьем. Неведомой мерзостью и гнусью. Лекарства, анализы, рекомендации врачей не помогли. Перекрестный допрос психологов ни к чему не привел.

Она – ходячая бомба, говорили учителя. Мы никогда с таким не сталкивались, сказали врачи. Ее нужно убрать из вашего дома, сказал полицейский.

. Мне было четырнадцать, когда они избавились от меня. Стояли и смотрели, как меня вытаскивают из родного дома за убийство, которое совершилось абсолютно помимо моего желания, воли или знания.

Может, для общества безопаснее, если я заперта в камере. Может, Адам меньше рискует, ненавидя меня. Он сидит в углу, уткнувшись кулаками в лоб.

Я не хотела его задеть.

Я никогда не хотела обижать ни единого человека, не желавшего мне зла.

Дверь резко отъезжает, и в камеру врываются пятеро вооруженных людей, направив на нас автоматы.

Адам вскакивает, я остаюсь сидеть неподвижно, забыв дышать. Я так давно не видела столько живых людей, что просто оцепенела. Надо было кричать, но я молчала.

– Руки вверх, ноги расставить, рты закрыть. Не двигаться, и останетесь целы.

Я по-прежнему сижу неподвижно. Надо поднять руки, расставить ноги. Надо дышать. Мне словно перерезали горло.

Тот, кто выкрикивал приказы, ударил стволом мне в спину. Колени хрустнули, когда я упала на четвереньки. Я наконец-то вдохнула воздух – с привкусом крови. Кажется, Адам кричит. Меня пронзает острая боль, непохожая на все, что я испытывала раньше. Я не могу пошевелиться.

– Ты что, не понимаешь, как это – закрыть рот?

Повернув глаза вбок до отказа, я увидела ствол карабина в двух дюймах от лица Адама.

– Встать! – Ботинок со стальным рантом пинает меня под ребра, быстро, жестко, глухо. Я ничего не проглотила, но судороги сотрясают мое тело, будто жестокий кашель. – Я сказал, встать! – Второй ботинок, еще жестче, быстрее, сильнее, прилетает мне в живот. Я даже не могу закричать.

Кое-как встаю на колени, теряю равновесие и едва не падаю на стену сзади, но неловко двигаюсь вперед. Поднять руки оказалось мучительно, я не ожидала от себя подобной стойкости. Внутри все омертвело, кости растрескались, кожа превратилась в сито, истыканная иголками боли. Вот меня и пришли убивать.

Вот почему Адама посадили в мою камеру.

Потому что я ухожу. Адам здесь, потому что я ухожу, они забыли убить меня вовремя, потому что мои минуты истекли, потому что семнадцать лет в этом мире слишком много. Сейчас меня убьют.

Я часто думала, как это будет. Интересно, это осчастливит моих родителей?

Кто-то смеется.

– Ну не жалкое ли дерьмо?

Я не знаю, со мной ли они говорят. Я едва удерживаю руки поднятыми.

– Даже не плачет, – добавил кто-то. – Девки на этом этапе уже молят о пощаде.

Стены начинают сочиться кровью, сильнее, сильнее, алые струйки уже брызжут в потолок. Я не знаю, сколько смогу сдерживать дыхание. Я не различаю слова, не понимаю звуков, только слышу, как в голове шумит кровь. Мои губы – две бетонные плиты, которые мне не разлепить. Пол куда-то проваливается. Ноги несут меня в направлении, которое я не узнаю.

Надеюсь, они убьют меня быстро.

Глава 8

Открыть глаза мне удалось только через два дня.

Рядом стоит жестянка с водой и банка с едой, и я проглатываю холодное содержимое, засовывая его в рот дрожащими руками. Тупая боль отдается в суставах, отчаянная сухость сжимает горло. Вроде бы ничего не сломано, но взгляд под рубашку доказывает, что боль реальна: синяки цветут тусклым синим и желтым, мучительно отзываясь на прикосновение и медленно исчезая.

Адама нигде нет.

Я одна в блоке одиночества. Четыре стены не более десяти футов в длину и высоту, воздух поступает из узкой щели в двери. Не успело собственное воображение начать меня терроризировать, как тяжелая металлическая дверь распахнулась, и охранник с двумя автоматами на груди смерил меня взглядом.

– Встать.

На этот раз я подчиняюсь, не колеблясь.

Надеюсь, Адам цел и его не ждет такой финал, как меня.

– Иди за мной. – Голос у охранника басистый, зычный, серые глаза непроницаемы. На вид ему лет двадцать пять. Стриженные ежиком светлые волосы, рукава рубашки закатаны почти до плеч, армейские татуировки покрывают предплечья, совсем как у Адама.

О Боже, нет!

Адам появляется рядом с блондином и показывает стволом в узкий коридор:

– Шевелись.

Адам направляет карабин мне в грудь.

Его глаза незнакомые, стеклянные и далекие, словно он за много миль отсюда.

Я не я, а новокаин какой-то. Полное онемение, мир пустоты, ощущения и чувства исчезли.

Я шепот, который так и не раздался.

Адам тоже солдат.

.

Смотрю на него уже открыто. Все ощущения ампутированы, боль – далекий крик, отделенный от тела. Ноги сами двинулись вперед. Губы остаются сжатыми, потому что на свете нет слов для такой минуты.

Смерть будет желанным освобождением от всех земных радостей, которые я знала.

Неизвестно, сколько мы шли, прежде чем новый удар в спину свалил меня с ног. Моргаю от яркого света, которого так долго не видела. Потекли слезы. Щурюсь на флуоресцентные лампы, освещающие просторную комнату. Почти ничего не вижу.

– Джульетта Феррарс. – Чей-то голос словно взорвал мое имя. На спину давит нога в тяжелом ботинке, я не могла поднять голову и увидеть, кто со мной говорит. – Уэстон, убавь свет и отпусти ее. Я хочу видеть ее лицо. – Команда прозвучала холодно и сильно, как сталь, угрожающе спокойно, без усилий властно.

Яркость ламп уменьшили до такой, какую я могла терпеть. Отпечаток подошвы я еще чувствую спиной, но он уже не вдавливается в тело. Осторожно поднимаю голову и смотрю вверх.

Прежде всего меня поразила молодость говорившего. Он не старше меня.

Очевидно, он занимает высокий пост, хотя не представляю какой. Безупречная, без единого дефекта, кожа, волевой, четко очерченный подбородок. Глаза самого бледного оттенка изумруда – никогда не видела таких глаз.

Красив.

Асимметричная улыбка таит в себе точно рассчитанное зло.

Как на троне, он сидит на стуле посреди пустой комнаты. Идеально отглаженный костюм, тщательно причесанные светлые волосы, вокруг солдаты – идеальные телохранители.

Ненавижу его.

– Какая ты упрямая. – Бледно-зеленые глаза стали почти прозрачными. – Никак не соглашаешься сотрудничать. Даже с сокамерником не захотела быть полюбезнее.

Я невольно дернулась, вздрогнув всем телом. Краска заливает шею и поднимается выше – предательство жжет как огнем.

Зеленоглазого что-то явно забавляет. Я готова умереть от унижения.

– Как интересно! – Он щелкнул пальцами. – Кент, поди-ка сюда.

Сердце останавливается: вперед выходит Адам.

Я горю с головы до ног. Адам мгновенно оказывается сбоку от зеленоглазого, но приветствует его лишь коротким кивком. Возможно, этот командир вовсе не так уж важен, как о себе мнит.

– Сэр, – выжидательно говорит Адам.

В голове поднимается ураган, я не могу распутать затягивающиеся вокруг меня узлы безумия. Надо было догадаться. Ходили же слухи о солдатах, тайно живущих среди гражданских и доносящих властям обо всем подозрительном. Люди пропадали каждый день, и ни один не вернулся назад.

Хотя все равно не понимаю, почему Адама приставили за мной шпионить.

– Похоже, ты произвел на нее впечатление.

Я смотрю на молодого человека на стуле и вдруг замечаю маленькие цветные нашивки. За военные действия. На лацкане выгравирована фамилия: Уорнер.

Адам ничего не отвечает и не смотрит в мою сторону. Он стоит прямо, шесть футов

природных мышц, профиль волевой и замкнутый. Руки, которые меня обнимали, превратились в держатели для смертоносного оружия.

– Ты ничего не хочешь об этом сказать? – спрашивает Уорнер Адама, кивнув на меня. Его глаза так и прыгают: он находит ситуацию комичной.

Адам чуть заметно напрягается.

– Сэр?

– Ну еще бы, – неожиданно скучным голосом вдруг говорит Уорнер. – Дождешься от тебя откровенности, как же.

– Вы убьете меня? – Слова слетели с губ сами, прежде чем я успела подумать. Ствол чьего-то карабина глубоко воткнулся мне в спину, и я упала, коротко всхлипнув, прерывисто дыша в грязный пол.

– В этом не было необходимости, Роланд, – с издевкой делает Уорнер притворный выговор. – На ее месте я бы тоже об этом подумал. – Пауза. – Джульетта?

Из последних сил поднимаю голову.

– У меня к тебе предложение.

Глава 9

Мне кажется, что я ослышалась.

– У тебя есть то, что мне нужно. – Уорнер пристально смотрит на меня.

– Не понимаю, – еле слышно говорю я.

Он с шумным вздохом встает и начинает ходить по комнате, будто не замечая Адама.

– Ты мой любимый проект. – Уорнер улыбается своим мыслям. – Я изучал твое дело очень, очень долго.

Я с трудом выношу его самодовольство и развязность. Мне хочется ногтями сорвать ухмылку с его лица.

Уорнер останавливается.

– Я хочу, чтобы ты была в моей команде.

– Что? – изумляюсь я.

– Мы ведем войну, – нетерпеливо говорит он. – Ты будешь нам полезна.

– Не понимаю…

– Я знаю твой секрет, Джульетта. Я знаю, почему ты здесь. Вся твоя жизнь – сплошные истории болезни, жалобы властям, путаные судебные разбирательства и требования общественности изолировать тебя в спецучреждении. – Пауза. Не могу дышать от ужаса, сдавившего горло. – Я долго думал и решил сперва убедиться, что ты все же не сумасшедшая. Изоляция не самый эффективный индикатор, хотя ты и здесь неплохо устроилась. – Улыбка дает понять, что я должна быть благодарна за эту похвалу. – Подселение Адама стало последней проверкой. Надо было доказать, что у тебя достаточно устойчивая психика, что ты способна на элементарное общение. Должен сказать, я очень доволен результатом.

Мне кажется, что с меня содрали кожу.

– Похоже, Адам сыграл свою роль даже слишком хорошо. Прекрасный солдат, один из лучших. – Снисходительно взглянув на Адама, Уорнер улыбается мне: – Не волнуйся, он не знает, на что ты способна. Пока не знает.

Терпя смертельную муку, впиваюсь ногтями в панику, пытаясь ее удержать. Уговариваю себя не смотреть на Адама, но не могу,

. На долю секунды Адам встречается со мной взглядом, но отводит глаза так быстро, что мне могло и показаться.

– Я не такой жестокий, как ты думаешь, – воодушевившись, продолжает Уорнер. – Если тебе так понравилось общество Кента, я оставлю его тебе. – Он неопределенно помахал рукой между мной и Адамом. – Сделаю поручение постоянным.

– Нет, – выдыхаю я.

Уорнер раздвигает губы в беззаботной улыбке:

– Значит, да. Но будь поосторожнее, красотка. Если выкинешь что-нибудь плохое, Кенту придется тебя пристрелить.

Мое сердце снова и снова режут натянутой, как струна, проволокой. Адам никак не отреагировал на сказанное Уорнером.

Он выполняет свою работу.

Я мелочь, служебное задание, ординарный объект. Я даже не оставила у него воспоминаний.

Я ничто.

Я не ожидала, что предательство повергнет меня в такое отчаянье.

– Если примешь мое предложение, – прерывает мои мысли Уорнер, – будешь жить, как я. Будешь одной из нас, а не одной из них. Твоя жизнь радикально

изменится.

– А если откажусь? – спрашиваю я, успев договорить прежде, чем голос пресекся от страха.

Уорнер с видимым разочарованием сцепляет пальцы.

– У тебя нет выбора. Встанешь на мою сторону – получишь награду. – Он сжал губы. – Не захочешь подчиниться? Что ж, ты довольно миленькая, жаль будет тебя уродовать.

Меня начинает трясти.

– Ты хочешь, чтобы я мучила для тебя людей?

Он расплывается в ослепительной улыбке:

– Это было бы чудесно!

Мир вокруг начинает сочиться кровью.

Я не успела придумать ответ, а Уорнер уже поворачивается к Адаму.

– Покажешь ей, что она упускает.

– Сэр? – переспрашивает Адам после едва заметной паузы.

– Это приказ, солдат. – Уорнер сверлит меня взглядом, кривя губы от сдерживаемого смеха. – Я хочу от нее послушания. Слишком она энергичная, себе во вред.

– Меня нельзя касаться, – говорю я сквозь стиснутые зубы.

– Не совсем, – пропел он, бросая Адаму пару черных перчаток. – Тебе понадобятся, – добавляет он заговорщическим шепотом.

– Ты чудовище. – Мой голос звучит ровно, хотя меня переполняет гнев. – Почему вы меня просто не убьете?

– Это, дорогая, будет перевод материала. – Он шагает вперед – я впервые замечаю на его руках плотные белые кожаные перчатки – и пальцем приподнимает мой подбородок. – Да и жалко портить такое красивое лицо.

Дергаю шеей, желая уйти от его прикосновения, но тот же самый ботинок со стальным рантом с размаху ударяет меня в спину, и Уорнер успевает поймать мое лицо в горсть. Еле сдерживаю крик.

– Не ломайся, милая. Так ты только все усложняешь – для себя.

– Чтоб ты сдох, чтоб ты горел в аду!

Двинув желваками, Уорнер жестом останавливает кого-то, кто хотел меня пристрелить, пнуть в бок, расколоть череп, не знаю.

– Значит, ты не в той команде… – Он выпрямляется. – Ничего, исправим. Кент, не спускай с нее глаз. Под твою ответственность, понял?

– Да, сэр.

Глава 10

Адам надевает перчатки, но не спешит ко мне прикасаться.

– Дай ей подняться, Роланд. Я уведу ее отсюда.

Прижимающий меня к полу ботинок исчезает. Кое-как поднимаюсь, уставившись в пустоту. Я не стану думать об ужасе, ожидающем меня впереди. Кто-то пинает меня под колени, и я чуть не падаю.

– Давай двигай! – рявкает кто-то за спиной. Подняв глаза, понимаю, что Адам уже ушел вперед. Мне полагалось следовать за ним.

Когда мы оказались в знакомой слепоте коридоров лечебницы, он останавливается.

– Джульетта…

Я не отвечаю.

– Возьми меня за руку, – говорит он.

– Никогда, – выдыхаю я, справляясь с болью. – Ни за что.

Он тяжело вздыхает. Слышу движение в темноте, и вскоре он оказывается близко, слишком близко, обезоруживающе близко. Касаясь моей спины, Адам куда-то ведет меня по коридорам. Моя кожа горит. Усилием воли я держусь прямо, чтобы не упасть назад, в его объятия.

Мы идем дольше, чем я ожидала. Наконец Адам разжимает губы, и я начинаю надеяться, что мы, наверное, пришли.

– Мы сейчас выйдем на улицу, – говорит он мне на ухо. Стискиваю кулаки, чтобы сдержать волну трепета, пробежавшую по сердцу. Звук его голоса волнует меня больше, чем важность сказанного. – Ты сама все увидишь.

Судорожный вздох – мой единственный ответ. Я не выходила из здания почти год. Мне безумно хочется на улицу, но солнце так давно не касалось моей кожи, что я не знаю, выдержу ли. Но выбора нет.

Сперва меня охватывает воздух.

Нашей атмосфере нечем хвастаться, но после стольких месяцев в бетонном мешке даже почти нулевой кислород умирающей Земли кажется мне райским

дуновением. Я не могу надышаться. Я наполняю легкие забытым ощущением, вбегаю в легкий бриз и хватаю пригоршни ветра, который извивистыми прядями пробирается у меня между пальцами.

Блаженство, равного которому я не знаю.

Воздух прохладен и чист. Освежающая ванна ощутимой пустоты, от нее пощипывает глаза и кожу. Солнце сегодня высоко, оно ослепительно отражается в маленьких островках снега, не дающих растаять земле. Мои веки придавлены весом яркого света, я подсматриваю через две щелочки, но теплые лучи облекают меня в сшитое точно по фигуре одеяние, и это кажется большим, чем человеческое объятие. Я могу стоять вот так целую вечность. Одну бесконечную секунду я чувствую себя свободной.

Прикосновение Адама возвращает меня к реальности. От неожиданности чуть не выпрыгиваю из кожи, он успевает подхватить меня за талию. Молча умоляю тело не дрожать.

– Ты как?

Его глаза меня удивляют – совсем как я запомнила, синие и бездонные, как глубины океана. Его руки

обнимают меня.

– Я не хочу, чтобы ты меня трогал, – лгу я.

– У тебя нет выбора, – говорит он, не глядя на меня.

– Выбор всегда есть.

Пригладив волосы рукой, он переводит дыхание.

– Иди за мной.

Мы на открытом месте, целый акр пустоты, усыпанной мертвыми листьями с засыхающих деревьев, тщетно старающихся напиться талой воды на негодной почве. Местность изуродована войной и пренебрежением, и все равно это самое красивое, что я видела за долгое время. Громко топающие солдаты перестают на нас глазеть, когда Адам открывает мне дверцу машины.

Это не машина, это танк.

Посмотрев на массивную металлическую громадину, пробую забраться по боку, но Адам вдруг оказывается сзади, приподнимает меня за талию, и я беззвучно выдыхаю, когда он усаживает меня на сиденье.

Я не отрываюсь от окна.

Я ем, пью, впитываю мельчайшие детали – мусор, линию горизонта, брошенные дома, искореженные куски металла, осколки стекла, усеявшие землю. Мир кажется голым, лишенным растительности и тепла. Нет указателей улиц и дорожных знаков; в них отпала нужда. Общественного транспорта нет, а машины сейчас выпускает единственная компания, и стоят они сумасшедших денег.

Очень немногим людям по карману спасение.

Оставшееся население распределили по уцелевшим территориям. Промышленные здания будто хребет пейзажа: высокие прямоугольные металлические коробки, начиненные механизмами, призванными усилить армию, укрепить Оздоровление, уничтожить огромную часть человеческой цивилизации.

Уголь/смола/сталь.

Серое/черное/серебристое.

Дым размазывается по линии горизонта, стекая в слякоть, бывшую прежде снегом. Повсюду горы мусора, кое-где чудом уцелели клочки пожелтевшей травы.

Традиционные жилища старого мира заброшены, окна выбиты, крыши провалились. Красная, зеленая, синяя краски вылиняли, превратившись в бледные тени, как нельзя лучше подходящие нашему яркому будущему. При виде бараков, кое-как построенных на разоренной земле, вспоминаю, что их строили как временные. За несколько месяцев до того, как меня изолировали, начали строить эти маленькие холодные районы: их должно было хватить, пока не разберутся с новым планом. Так заявляло Оздоровление. Пока все не уляжется. Пока люди не перестанут протестовать, поняв, что изменения им во благо. Во благо их детям и будущему.

Я помню введенные новые правила.

Отныне никаких опасных фантазий, никаких лекарств по рецепту. Наша ставка – новое поколение, состоящее исключительно из здоровых молодых людей. Больных изолировать. Стариков уничтожить. Трудных передать в психиатрические лечебницы. Пусть выживет сильнейший.

Да.

Конечно.

Никаких больше дурацких иностранных языков, глупых сказок и идиотских картин над тупыми каминными полками. Никакого Рождества, Хануки, Рамадана и Дивали[2 - Пятидневный фестиваль огней, крупнейший праздник в Индии.]. Никаких разговоров о религии, вере и личных убеждениях. Личные убеждения чуть не привели к тотальному уничтожению человечества, заявляли они.

Убеждения, приоритеты, предпочтения, предрассудки и идеология разобщают нас, вводят в заблуждение и в конце концов губят.

Эгоистичные желания и потребности необходимо стереть из памяти. Жадность, злоупотребления, чревоугодие надо вычеркнуть из человеческого поведения. Спасение в строгом контроле, минимализме, аскетизме жилищ. Один простой язык и новый словарь с понятными словами.

Это спасет нас и наших детей, и человеческую расу, говорили они.

Новое равенство. Новое человечество. Новая надежда, исцеление и радость.

Спасите нас!

Присоединяйтесь к нам!

Оздоровим общество!

Воззвания до сих пор видны кое-где на стенах.

Ветер треплет их обветшалые края, но плакаты приклеены на совесть и хлопают углами по стальным и бетонным бокам, с которыми срослись, или по бетонным столбам с динамиками наверху. Динамики должны оповещать людей о грозящей опасности, разумеется, окружающей их.

Мир кажется сверхъестественно, жутко тихим.

Мимо проходят люди, спеша по промозглому холоду на завод – работать, чтобы кормить семьи. Надежда в этом мире сочится из ствола карабина.

Никому уже нет дела до концепции.

Раньше в людях жила надежда. Они верили, что все можно поправить и наладить. Им хотелось прежней жизни, когда предметами для волнения служили светские сплетни, отпуска и субботние приемы гостей. Обещанное Оздоровлением будущее было чересчур идеальным для осуществимого, но отчаявшиеся люди не усомнились ни на минуту. Они так и не поняли, что продали душу кучке типов, решивших сыграть на их невежестве. На их страхе.

Большая часть населения слишком запугана, чтобы протестовать, но есть и другие, сильнее. Другие, ожидающие своего часа. Другие, уже организовавшие сопротивление.

Надеюсь, сопротивляться еще не поздно.

Жадно разглядываю каждую дрожащую ветку, каждого навязанного режимом солдата, каждое окно, которое успеваю сосчитать. Глаза, как два профессиональных карманника, крадут все подряд и прячут глубоко в памяти.

Я потеряла счет времени и не могу сказать, сколько мы ехали.

Останавливаемся у здания раз в десять больше нашей клиники, стоящего в центре… не города, но, скажем так, цивилизации. Снаружи это безвкусное строение, не вызывающее ни малейших подозрений, – удивляют лишь размеры. Четыре плоские, гладкие стены серого бетона, закрытые окна пятнадцати этажей. На унылом здании ни таблички, ни знака – ничего, что указывало бы на его истинное назначение.

Политическая штаб-квартира с хитрой маскировкой – на видном месте.

Внутренность танка произвела на меня впечатление беспорядочного скопления кнопок и рычагов неизвестного назначения. Адам открывает люк и, прежде чем я успеваю что-нибудь сообразить, снова подхватывает меня за талию, и вот мои ноги уже стоят на твердой земле, и сердце так колотится, что он наверняка слышит. Он не убирает руки.

Смотрю на него.

В его глазах напряжение, лоб наморщен, губы

– разочарование и досада, скованные воедино.

Я отступаю, и десять тысяч крошечных частиц разлетаются между нами. Он опускает взгляд. Он отворачивается. Он глубоко вдыхает, пальцы руки на мгновение сжимаются в кулак.

– Сюда. – Он кивает на исполинское здание.

Я иду за ним внутрь.

Глава 11

Я приготовилась к невообразимым ужасам, но реальность оказалась едва ли не хуже.

Грязные деньги сочатся из стен, годовой запас еды пропадает на мраморных полах, сотни тысяч долларов медицинской помощи обратились в дизайнерскую мебель и персидские ковры. Чувствуя, как из вентиляторов тянет искусственным теплом, я вспоминаю детей, просивших чистой воды. Прищурившись, смотрю на хрустальные люстры и слышу матерей, молящих о пощаде. При виде этой роскошной плесени, выросшей на поверхности скованной страхом реальности, я останавливаюсь как вкопанная.

Я не могу дышать.

Сколько людей умерли ради существования этой роскоши! Сколько людей потеряли дома, детей, последние пять долларов в банке за обещания, обещания, обещания, море обещаний спасти их от них самих. Нам обещали – Оздоровление обещало – надежду на лучшее будущее. Они уверяли, что все поправят, заявляли, что вернут нам мир, который мы знали, – мир с программой фильмов, весенними свадьбами и демографическими взрывами. Они обещали вернуть нам наши дома, здоровье, уверенность в завтрашнем дне.

Они все украли.

Они забрали все.

Они наводнили мир оружием, направленным в наши лбы, и с улыбкой выпустили шестнадцать зажигательных пуль в наше будущее. Они убили тех, кто был достаточно силен для сопротивления, и изолировали уродов, не умеющих жить с верой в утопические обещания.

Передо мной наглядное доказательство коррумпированности Оздоровления.

Кожа покрылась холодным потом, пальцы дрожат от отвращения, ноги не могут выдержать груз

эгоистичных излишеств. Повсюду я вижу красное, кровь убитых, забрызгавшую окна, залившую ковры, капающую с люстр…

– Джульетта!

Не выдержав, падаю на колени, тело дрожит от давно сдерживаемой боли, сотрясается от рыданий, которые я уже не в силах подавить. Остатки достоинства растеклись слезами, напряжение последней недели, как шредер, режет меня в лапшу.

Я даже не могу вздохнуть.

Здесь нет кислорода, справляюсь с рвотными спазмами, затыкая рот подолом рубашки, слышу голоса, вижу незнакомые лица, струятся слова, уносимые всеобщим замешательством, мысли столько раз взболтаны, что не знаю, в сознании я или нет.

Неужели я действительно схожу с ума?

Я в воздухе. Я – мешок с пером в его руках, он проталкивается через солдат, сгрудившихся вокруг, выбираясь из образовавшейся сумятицы, и долгое мгновение мне безразлично, что я не должна этого хотеть. Я хочу забыть, что мне полагается его ненавидеть, что он меня предал, что он работает на людей, которые методично уничтожают остатки наследия человечества. Мое лицо спрятано в мягкой ткани рубашки, щека прижата к его груди, он пахнет силой и мужеством, а мир снаружи тонет под дождем. Хочу, чтобы он никогда-

меня не отпускал. Вот бы я могла его коснуться! Вот бы между нами не было барьеров!

Реальность дает мне хорошую оплеуху.

От стыда путаются мысли, от унижения я не могу мыслить четко, краска заливает лицо и кровью выступает из пор. Я вцепляюсь в его рубашку.

– Ты ведь можешь меня убить, – говорю я Адаму. – У тебя есть оружие. – Я извиваюсь, вырываясь из его хватки, но он только крепче прижимает меня к себе. На его лице не проступает эмоций, только ходят желваки и ощутимо напрягаются руки. – Ну убей же меня! – умоляюще кричу я.

– Джульетта. – Его голос тверд, но в нем слышится отчаяние. – Пожалуйста!

Я снова становлюсь вялой. Бессильной. Лед внутри тает, жизнь вновь просачивается в руки и ноги.

Останавливаемся перед дверью.

Адам вынимает ключ-карту и проводит ею по черному стеклу, вделанному рядом с дверной ручкой. Массивная дверь нержавеющей стали отходит с места. Перешагиваем порог.

Мы одни в комнате.

– Пожалуйста,

поставь меня, – прошу я.

Посреди комнаты двуспальная кровать, роскошный ковер устилает пол, у стены сверкает полированный гардероб, ослепительная люстра поражает великолепием. Красота настолько осквернена, что нет сил смотреть. Адам осторожно опускает меня на мягкий матрац и отступает на шаг.

– Побудь пока тут, – говорит он.

Я зажмуриваюсь, не желая думать о неизбежных предстоящих муках.

– Пожалуйста, – прошу я. – Я хочу побыть одна.

Глубокий вздох.

– Боюсь, это невозможно.

Резко оборачиваюсь.

– Как это понимать?

– Я обязан наблюдать за тобой, Джульетта. – Он произнес мое имя почти шепотом.

– Уорнер решил показать, что он тебе предлагает, но пока тебя по-прежнему расценивают как… угрозу. У меня приказ. Я не могу уйти.

Я в ужасе.

– Ты будешь жить со мной в одной комнате?

– Я живу в казармах, в другом конце здания, как все солдаты. Но сейчас… – Он кашлянул, не глядя на меня. – Сейчас я переселяюсь сюда.

Под ложечкой возникла гложущая боль, тоскливо тянущая нервы. Я хочу ненавидеть его, упрекать, кричать не переставая, но не могу – ведь передо мной восьмилетний мальчишка, не помнящий, что он был добр ко мне, как никто в жизни.

Не хочу верить, что это происходит по-настоящему.

Закрыв глаза, утыкаюсь лбом в колени.

– Тебе надо одеться, – добавляет Адам через секунду.

Подняв голову, непонимающе моргаю.

– Я же одета!

Он снова кашляет, стараясь делать это негромко.

– Там ванная, – показывает он. При виде двери в стене я вдруг ощутила любопытство. Я слышала рассказы о людях, у которых в спальне ванна. Не в самой спальне, конечно, а рядом. Слезаю с кровати и иду, куда указывает его палец. Адам продолжает: – Можешь принять душ и переодеться. В ванной камер нет, – закончил он почти неслышно.

В моей комнате видеокамеры?!

Ну конечно.

– Одежду выбери здесь. – Отчего-то смутившись, он кивает на гардероб.

– Значит, ты не выйдешь? – уточняю я.

Потирая лоб, он со вздохом присаживается на кровать.

– Тебе нужно приготовиться. Уорнер ждет тебя к ужину.

– К ужину?! – Мои глаза становятся квадратными.

– Да, – мрачно подтверждает Адам.

– Так он не собирается меня пытать? – Мне стыдно от облегчения, прорвавшегося в голосе, от неожиданного ослабления напряжения, от страха, которого я все это время не замечала. – Он даст мне ужин? –

Я давно забыла вкус настоящей еды.

Лицо Адама снова стало непроницаемым.

– Поторопись. Я покажу, как тут все работает.

У меня нет времени протестовать – Адам проходит в ванную, я за ним, оставив дверь открытой. Он почему-то останавливается спиной ко мне.

– Я умею пользоваться ванной, – говорю я. –

Он поворачивается очень-очень медленно, я даже пугаюсь. Потом смотрит на меня, прищуривается, морщит лоб. Правая рука сжата в кулак, левую он поднял и прижал палец к губам, призывая к молчанию.

Внутри у меня все обрывается.

Я чувствовала – что-то готовится, но не знала, что бояться надо Адама. Я не знала, что он будет моим палачом и заставит призывать смерть громче, чем раньше. Я не замечала, что плачу, пока не услышала всхлип и не ощутила слезы, заструившиеся по лицу. Мне стыдно, ужасно стыдно своей слабости, но в глубине души отчасти и безразлично. Мне хочется умолять, просить пощады или выхватить у него пистолет и успеть застрелиться. Ведь у меня осталась только честь…

Адам, кажется, понял причину моей неожиданной истерики, потому что вытаращил глаза и приоткрыл рот.

– Господи, Джульетта, нет, я не… – загорячился он, затем ударил кулаком себя по лбу и отвернулся. Тяжело вздохнув, он начал мерить шагами тесную ванную, затем чертыхнулся и вышел за дверь, не оглядываясь.

Глава 12

Пять минут под обжигающе-горячей водой, два куска мыла, пахнущих лавандой, флакон шампуня, предназначенного специально для волос, прикосновение мягких пушистых полотенец, в которые я осмелилась завернуться. И я начинаю понимать.

Они хотят, чтобы я забыла.

Они думают, что могут стереть мои воспоминания, привязанности, убеждения, несколько раз покормив горячим и дав комнату с видом. Они думают, меня можно купить.

Уорнер не понимает, что я выросла, ничего не имея, и не возненавидела жизнь. Я не хочу одежды, изящной обуви и дорогих вещей. Я не мечтаю носить только шелка. Все, чего я когда-либо хотела, – коснуться человека не только рукой, но и сердцем. Я успела узнать мир с его отсутствием сочувствия, безапелляционным жестоким осуждением, ловила на себе холодные, с затаенной злобой взгляды. Я постоянно видела это вокруг себя.

У меня было время слушать.

Смотреть.

Изучать людей, места и возможности. Все, что нужно сделать, – открыть глаза. Раскрыть книгу – и увидеть, как кровоточат рассказы со страницы на страницу. Увидеть, как воспоминания врезались в бумагу.

Я прожила свою жизнь сложенной между страницами книги.

В отсутствие человеческого общения у меня образовались связи с книжными героями. Я жила любовью и потерями сюжетов, нанизанных на нити истории; я узнавала юность по ассоциации. Мой мир перевит паутиной слов и стянут нога к ноге, кость к сухожилию, мысль к образу. Я существо, состоящее из букв, персонаж, созданный предложениями, плод воображения, вызревший на ниве беллетристики.

Они хотят вытравить последнюю запятую моей жизни, а я не могу позволить этому случиться.

Натянув свою прежнюю одежду, на цыпочках иду в комнату, оказавшуюся пустой. Адам вышел, хотя обещал остаться. Не понимаю. Не понимаю его поступков, не понимаю своего разочарования. Мне неловко испытывать наслаждение от свежести моей кожи, от ощущения чистоты впервые за долгое время; не понимаю, почему не посмотрелась в зеркало, почему боюсь того, что увижу, почему не уверена, что узнаю лицо на стеклянной поверхности.

Открываю гардероб.

Он ломится от платьев, туфель, рубашек, брюк и прочей одежды таких ярких цветов, что больно глазам, из тканей, о которых я только слышала, и таких фасонов, что я боялась до них дотронуться. Размеры подходят идеально. Слишком идеально.

Меня здесь ждали.

На меня будто посыпались с неба камни.

Мной пренебрегали, бросали, изгоняли из общества, насильно увезли из дома. Меня исследовали, зондировали, тестировали и бросали в камеру. Меня изучали. Морили голодом. Искушали дружбой, чтобы предать и ввергнуть в этот кошмар. От меня ждут благодарности. Мои родители. Учителя. Адам. Уорнер. Оздоровление. Я для них всего лишь расходный материал.

Они думают, я кукла, которую можно приодеть и сделать покорной.

Но они ошибаются.

– Тебя ждет Уорнер.

Дернувшись от неожиданности, теряю равновесие и падаю назад, спиной на дверцу шкафа, с грохотом закрыв ее. Выпрямившись и увидев в дверях Адама, справляюсь со страхом. Его губы шевелятся, но он ничего не произносит. В конце концов он делает шаг ко мне, и еще, и еще, оказавшись на расстоянии вытянутой руки.

Потянувшись мимо меня к шкафу, он снова открывает дверцу. За ней оказались вещи, в существовании которых я постеснялась бы признаться.

– Это для тебя, – говорит Адам, взявшись за подол фиолетового платья. Сочный сливовый оттенок, пробуждающий аппетит.

– Я одета. – Руки сами пригладили мятые, грязные лохмотья.

Взглянув на меня, он приподнимает брови, заморгав, округляет глаза, приоткрывает рот от удивления. Не иначе, я домыла себя до нового лица. Надеюсь, увиденное не вызвало у него отвращения. Не знаю, почему мне не все равно.

Опустив глаза, он говорит:

– Я подожду за дверью.

Секунду рассматриваю содержимое шкафа и отворачиваюсь. Провожу нервными пальцами по влажным волосам и беру себя в руки.

Я не являюсь ничьей собственностью.

И мне все равно, какой меня хочет видеть Уорнер.

Выхожу в коридор. На долю секунды Адам задерживает на мне взгляд, потирает шею сзади, но молчит. Покачав головой, идет вперед, не прикоснувшись ко мне. Отчего-то меня это задевает. Я не знаю, чего ожидать. Не могу представить, какой будет моя жизнь на новом месте, мне словно гвозди в живот вбивает каждое изысканное украшение, каждый роскошный аксессуар, каждая дорогая картина, лепнина, люстра, расточительно яркий цвет. Хоть бы оно сгорело, это здание.

Иду за Адамом по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, к лифту, сделанному полностью из стекла. Он проводит по прорези той же картой-ключом, какой открывал мою дверь, и мы входим. Вчера я даже не поняла, что

мы поднялись на столько этажей. Я знаю, что ужасно выгляжу, и почти счастлива этим.

Надеюсь, я разочарую Уорнера во всех отношениях.

В такой огромной столовой можно накормить тысячи сирот. Семь длинных банкетных столов, накрытых голубым шелком, хрустальные вазы, из которых гроздьями свешиваются орхидеи и розовые лилии, в глубоких стеклянных мисках плавают гардении.

. Интересно, откуда они берут цветы? Видимо, искусственные. Не представляю, как они могут оказаться настоящими. Я лет десять не видела живых цветов.

Уорнер сидит во главе центрального стола. При виде

Адама он поднимается. Присутствующие тоже встают, отстав на долю секунды.

Я почти сразу замечаю с двух сторон от Уорнера свободные места. Не хочу останавливаться, но ноги будто прирастают к полу. Незаметно оглядев стоявших, не вижу ни одной женщины.

Адам тремя пальцами касается моей поясницы, и я, вздрогнув, почти дернувшись, сразу спешу вперед. Уорнер, просияв, отодвигает кресло слева от себя и жестом приглашает меня садиться. Присаживаюсь, стараясь не смотреть на Адама, занявшего место напротив.

– Знаешь, дорогая моя, ведь в гардеробе есть одежда. – Уорнер опускается на соседний стул. По залу пронесся шорох – гости сели, и тут же негромко и ровно загудели разговоры. Уорнер развернулся ко мне всем корпусом, но я отчего-то замечаю присутствие только одного человека – сидящего напротив. Я не отрываю взгляда от пустой тарелки в двух дюймах от моих пальцев. Спохватившись, кладу руки на колени. – И тебе незачем больше носить эти грязные тенниски, – продолжает Уорнер, оглядев меня еще раз и наливая что-то в мой бокал. Кажется, воду.

Ненавижу его улыбку.

Ненависть похожа на другие чувства, пока человек не улыбнется. Пока не покрутится и не уляжется, натянув на оскал личину настолько пассивную, что противно врезать кулаком.

– Джульетта?

Я слишком быстро вдохнула, и теперь сдерживаемый кашель распирает мне горло.

Стеклянные зеленые глаза, устремленные на меня, странно блестят.

– Разве ты не голодна? – Слова облиты сахарным сиропом. Пальцы в перчатке коснулись моего запястья, и я едва не потянула мышцу, поспешно отдернув руку.

.

– Нет, спасибо.

Лизнув нижнюю губу, Уорнер расплывается в улыбке.

– Не путай глупость с храбростью, милая. Я же знаю, ты много дней ничего не ела.

Мое терпение вдруг лопнуло.

– Я лучше умру, чем стану есть твою еду и слушать, как ты зовешь меня милой!

Вилка выпадает у Адама из рук.

Уорнер коротко смотрит на него и переводит взгляд, сразу ставший жестким, на меня. Он смотрит мне в глаза несколько бесконечно долгих секунд, затем выхватывает из кармана пиджака пистолет и стреляет.

Все в зале вскрикивают и замирают.

Мое сердце колотится в горле.

Я очень, очень медленно поворачиваю голову в направлении выстрела Уорнера и вижу, что он прострелил какую-то жареную ногу прямо через кость – на другом конце зала слегка дымится блюдо с едой, поставленное менее чем в футе от гостей. Уорнер выстрелил, не глядя. Он же мог кого-нибудь убить!

Из последних сил держусь очень спокойно.

Уорнер небрежно роняет пистолет на мою тарелку. Мертвая тишина уступает место всеобщей трескотне.

– Думай, что говоришь, Джульетта. Одно мое слово, и твоя жизнь перестанет быть легкой.

Я моргаю.

Адам пододвигает мне тарелку еды. Сила его взгляда напоминает раскаленную добела кочергу, прижатую к коже. Я смотрю на него, он на миллиметр наклоняет голову в сторону и умоляет глазами – пожалуйста.

Я беру вилку.

Уорнер ничего не пропускает. Он чересчур громко кашляет, прочищая горло, смеется, хотя ему не смешно, и начинает резать мясо на своей тарелке.

– Придется заставить Кента делать за меня всю работу.

– Простите?

– Похоже, ты только его слушаешься. – Тон Уорнера деланно небрежен, но на щеках играют желваки. Он поворачивается к Адаму. – Я удивлен, что ты не предложил ей переодеться, как я просил тебя.

Адам выпрямился.

– Я предлагал, сэр.

– Мне нравится моя одежда! – резко говорю я Уорнеру. Еще больше мне понравилось бы дать ему в глаз, но этого я не сказала.

Губы Уорнера снова разъезжаются в привычную улыбку.

– Никто не спрашивает, что тебе нравится, милая. Ешь, мне нужно, чтобы ты выглядела по-человечески, пока находишься рядом со мной.

Глава 13

Уорнер настоял на том, что проводит меня в мою комнату. После обеда Адам куда-то ушел с несколькими солдатами, не сказав ни слова и даже не взглянув на меня, и я не знала, чего ожидать. Впрочем, терять мне нечего, кроме собственной жизни.

– Не надо меня ненавидеть, – говорил Уорнер, когда мы шли к лифту. – Я буду твоим врагом, только если ты сама этого захочешь.

– Мы всегда будем врагами. – В моем голосе хрустят осколки льда, которые тают на языке, превращаясь в слова. – Я никогда не стану такой, как ты хочешь.

Уорнер со вздохом нажимает кнопку вызова лифта.

– Я все же верю, что ты передумаешь. – Он смотрит на меня, чуть улыбаясь. Досадно, что такие выразительные взгляды тратятся на столь жалкое создание, как я. – Ты и я, Джульетта, вместе, представляешь? Да нас будет не остановить!

Чувствую, как его взгляд скользит по моему телу.

– Благодарю, не стоит.

Мы в лифте. Мир уносится вниз, стеклянные стены позволяют рассмотреть людей на каждом этаже. В этом здании нет секретов.

Уорнер трогает меня за локоть. Отодвигаюсь.

– Мне кажется, ты передумаешь, – негромко говорит он.

– Почему ты так уверен? – С тихим звоночком дверцы лифта разъезжаются, но я не двигаюсь с места, повернувшись к Уорнеру. Я не в силах сдержать любопытства. Кисти рук надежно спрятаны в лайку, пиджак с иголочки с плотными длинными рукавами, даже воротник высокий, царский. Он одет именно с головы до ног – одежда прикрывает все, кроме лица. Даже пожелай я коснуться его, не уверена, что у меня получится. Уорнер позаботился о своей защите.

От меня.

– Давай перенесем разговор на завтрашний вечер. – Приподняв бровь, он предложил мне согнутую руку. Как бы не замечая ее, выхожу из лифта в холл. – И оденься получше.

– Как тебя зовут? – вдруг спрашиваю я.

Мы стоим у двери в мой номер.

Он не может скрыть удивления, едва заметно приподнимает подбородок и не сводит пристального взгляда с моего лица. Я жалею о своем вопросе.

– Ты хочешь знать, как меня зовут?

Мои глаза непроизвольно сузились – совсем чуть-чуть.

– Уорнер – твоя фамилия, не так ли?

Он еле сдерживает улыбку.

– Ты хочешь знать мое имя?

– Я не подозревала, что это секрет.

Он делает шаг ко мне. Его губы кривятся, он опускает глаза, шумно втягивает воздух ртом. Трогает пальцем в перчатке мою скулу.

– Я скажу тебе свое имя, если ты скажешь мне твое, – шепчет он, щекоча дыханием мою шею.

Отодвигаюсь, сглотнув пересохшим горлом.

– Мое имя ты уже знаешь.

Он не смотрит мне в глаза.

– Ты права. Я перефразирую: обещаю сказать тебе мое имя, если ты покажешь мне свое.

– Что? – Мое дыхание становится прерывистым и частым.

Он начинает стягивать перчатки. Меня охватывает страх.

– Покажи, что ты умеешь.

Я до боли стискиваю зубы.

– Я к тебе не притронусь.

– Ничего. – Он снимает вторую перчатку. – Сам справлюсь.

– Нет…

– Не бойся, – ухмыляется он. – Уверен, тебе не будет больно.

– Нет, – выдыхаю я. – Я не буду. Я не могу…

– Прекрасно! – резко обрывает меня Уорнер. – Прекрасно. Не хочешь меня увечить? Весьма польщен. – Он с издевкой округляет глаза и, выглянув в холл, подзывает солдата: – Дженкинс!

Дженкинс, проворный здоровяк, мгновенно оказывается рядом со мной.

– Сэр. – Он кивает учтиво-коротко, хотя, несомненно, старше Уорнера. Лет двадцати семи, плотный, крепкий, мускулистый. Косится на меня. Взгляд карих глаз теплее, чем я ожидала.

– Отведи миз Феррарс вниз. Хочу предупредить: она очень непокорна и будет вырываться. – Он медленно улыбнулся. – Что бы она ни говорила и ни делала, не отпускай ее. Понятно, солдат?

Глаза Дженкинса расширяются. Он моргает, ноздри едва уловимо трепещут, пальцы опущенных рук согнуты. Чуть слышно вздохнув, кивает.

Дженкинс не идиот.

Я бросаюсь бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Низкосортный хлопок из волокон с пороком естественного происхождения. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Пятидневный фестиваль огней, крупнейший праздник в Индии.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mafi_tahira/razrush-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить